

Карма (пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Я – 15-летний пацан
СТАРШОЙ - полицей
КУЧЕРЯВЫЙ – отморозок, каких мало
ПАПА – разве такие папы должны быть
МАМА – тоже не всегда соответствует
БРАТ – я бы его колотил каждый день
ДЭН – сосед по парте, банный лист
ДЕВУШКА 1 – дура, что связалась с братом
ДЕВУШКА 2 – вторая дура, что связалась с братом
ПАРЕНЬ В КЕПКЕ – лепит паспорта
ВАСЯН – дурак, что связался с братом
ОНИ – отморозки, каких много
НОВЫЙ ДРУГ – одноразовый персонаж
ДРУГ – дядькин друг, которого я досочинил
ПСИХИАТР – темная лошадка

История, которую я вам хочу рассказать, произошла со мной лет двадцать назад. Тогда я ходил в школу, мне должно было исполниться пятнадцать, был, наверное, как все и жил бы дальше, если бы однажды не случилось ЭТО и не заставило меня пересмотреть мою жизнь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Полиция

В кабинете старшего как всегда посетитель. Небрит, невыглажен и «просит кирпича», а то и потяжелее. Но скамейка длинная – поэтому он не один, но пока все внимание к небритому и просящему что-нить потяжелее.

СТАРШОЙ. Снова ты Кучерявый мне попался.

КУЧЕРЯВЫЙ. Это ты мне попался.

СТАРШОЙ. Сядешь. Теперь надолго.

КУЧЕРЯВЫЙ. Все к лучшему. Прогноз на будущую неделю не радует.

СТАРШОЙ. Может, договоримся?

КУЧЕРЯВЫЙ. Не договоримся. Ты мне хочешь рассказать про то, как нужно жить, а спроси меня, что я хочу. А я хочу выпить, поесть, нет поесть даже меньше, а вот выпить.

СТАРШОЙ. Два стакана компота в обед и на ужин, утром кефирная палочка...

КУЧЕРЯВЫЙ. Плохой у вас повар.

СТАРШОЙ. А хорошие не идут. Хорошие по ресторанам, на худой конец шаурму на вокзале заворачивают.

КУЧЕРЯВЫЙ. Был у меня друг, Шаурмой его звали...

СТАРШОЙ. Ладно, есть камера четыре и пять.

КУЧЕРЯВЫЙ. В четвертой кто-то умер, не надо, я слышал, выбираю пятую. Там если кто-то и умер, то вероятно хороший человек. Незаметно.

СТАРШОЙ. Уведите.

(Кучерявого уводят)

Кто у нас здесь? Герой нашего времени.

Теперь и мне отведено должное внимание. Я сидел на другом конце скамейки в то время, как небритого «брили».

Я. Здравствуйте.

СТАРШОЙ. Ага. *(Изучает протокол)*. Стоял на улице с табличкой «Спасите», чем привлекал общественность. Стоял?

Я. Да.

СТАРШОЙ. С табличкой?

Я. С ней.

СТАРШОЙ. Привлекал?

Я. Не знаю. Им виднее.

СТАРШОЙ. От чего тебя нужно спасать?

Я. Ни от чего.

СТАРШОЙ. Но ты же держал табличку. И там было написано «SOS»...

Я. Спасите!

СТАРШОЙ. Не важно.

Я. Для меня важно. Ваше SOS ни на что не похоже, а Спасите это все равно что спасибо...

СТАРШОЙ. Но у тебя не было таблички «Спасибо», ни «Любимый город», ни «Продаю воздух». У тебя был лозунг, обращение к людям, чтобы они спасли тебя от чего-то.

Я. Я проверял реакцию.

СТАРШОЙ. За деньги?

Я. Они сами мне давали. Я же не виноват. Отпустите меня. Я осознал. Буду слушаться маму и звонить вам, если увижу нарушение. У вас все тот же номер?

СТАРШОЙ. Скажешь, на что деньги собирал, отпущу.

Я. Ммм... забыл.

СТАРШОЙ. Собирал и забыл? Может быть, позвоним маме, она поможет вспомнить.

Я. А у меня нет мамы.

СТАРШОЙ. Папе.

Я. И папы тоже. Меня бабка воспитывает. Одна. Вот я ей и помогаю. Сегодня должен картошечку купить, редиску, у меня где-то должен быть список.

СТАРШОЙ. Это же очень легко проверить.

Я. Проверьте. Мне нечего скрывать.

СТАРШОЙ. Документы у тебя есть?

Я. Ага, свидетельство и полис.

СТАРШОЙ. Усы, лапы и хвост. Шлепай, бизнесмен и чтобы я тебя... А бабушке скажи, чтобы она лучше за тобой приглядывала, а то вляпаешься в историю для криминальной хроники.

Воспитание

Воспитывает меня не бабушка. Это вы, наверное, сразу поняли. Свою бабушку я уже года полтора не видел. Она у меня в Крыму живет. Воспитывают меня простые, ничем не выделяющиеся предки. А вот кстати сидит один из тех, кто как бы делает вид, что воспитывает меня. Он не такой уж и пожилой, как выглядит. Кому интересно.

Человек в огромном банном халате с небрежно свисающим поясом стоит у открытого холодильника, откуда струится резкий свет (может быть, потому он не включает общий, что уже который день не может вкрутить лампочку, либо маскируется) и пьет пиво, поглядывая в мою сторону.

ПАПА. Привет, сына. Не слышу. *(На вопросы папы я не отвечаю. Так у нас принято).* Есть будешь? Нет, пиво это мой ужин. Для тебя тоже тут что-нибудь найдется. Вот супчик. С чем? Капустка, на мясо похоже. *(Неосторожно разливает).* Ой, ничего мы это быстро исправим. *(Неосторожно проливает и пиво).* Мне нужна помощь. Спасите *(Это фраза у меня вызывает усмешку – от чего спасать папу, от самого себя? Я ухожу в свою комнату. Тем временем, он находит какое-то полотенце и пытается избавиться от этого озера на полу).*

Появляется мама.

МАМА. Пришел? *(Папа утвердительно кивает. Мама резко закрывает холодильник).* Разморозить хочешь? *(Наступает на лужу и...)* Довести меня хочешь?

ПАПА *(пришибленно).* Куда тебя довести?

Сцена 3

Бессмысленный экстрим.

У меня есть еще и брат. Он меня постарше, но ведет себя, как детсадовец. Например, у него есть увлечение. Смотрели фильм «Ямакаси». Там подростки по крышам прыгали, а один ребенок повторил (круто же) и в больнице после этого лежал. Так вот он повторил и в больницу почему-то не попал. Хотя, мне кажется, это дело времени.

Брат встречается с девушками, надеясь, что они будут вместе прыгать по крышам по ночам и пугать жителей самых верхних этажей. Только что-то ему с ними не прет.

БРАТ. Разбежались.

ДЕВУШКА 1. Стой.

БРАТ. Что еще? Мы уже восьмой раз останавливаемся. Здесь нужно меньше думать.

Тогда страх отступает.

ДЕВУШКА 1. Может не надо?

БРАТ. Думать надо.

ДЕВУШКА 1. Нет, я про это все. Мне не хочется.

БРАТ. Ты должна забыть, что ты хочешь, не хочешь, взять меня за руку и...

ДЕВУШКА 1. Почему?

БРАТ. Что почему?

ДЕВУШКА 1. Почему я должна забыть о том, что мне хочется?

БРАТ. Ты со мной.

ДЕВУШКА 1. И что это все значит? А если ты голубям на остановках головы откручиваешь, то я и тогда с тобой?

БРАТ. Да, тогда ты и голубям...

ДЕВУШКА 1 (*нервно*). Не заставляй меня выбирать.

БРАТ. В жизни все так. Или мы вместе едим голубей и прыгаем как кролики, или гудбай.

ДЕВУШКА 1. Кролики не прыгают по крышам. У них другие интересы.

БРАТ. Ты со мной?

ДЕВУШКА 1. Мне надо время.

БРАТ. Его у нас нет.

Девушка резко уходит. Старший пожимает плечами и прыгает.

Сцена 4 Замыкание

Папа решил все же заняться светом. Конечно, это нужно делать вечером, а то и ночью, когда результат будет действительно заметен. Он осторожно откручивает лампочку, но вероятно делает это слишком сильно, она у него лопается. Теперь ему требуются плоскогубцы, чтобы ее дооткрутить.

ПАПА. Ну кто придумал скажи эти пробки?!

Где в этот момент все? Брат отмывается от крыши, мама в комнате почитывает, я раскладываю диван. И в тот самый момент...

ПАПА. А.

Это было не пение. Это был крик о помощи. А за ним и следствие этого крика. Замыкание. Во всех комнатах.

Сцена 5 В больнице

Старший брат сидит в приемном отделении травмпункта, заметно, ну надо же, волнуется.

БРАТ. Палец прищемил. Ну, как так можно? Мизинец. Ну, как...? Старый диван со времен бабы Ани. Давно хотел от него избавиться. Но все как-то не просто... девятый этаж. Да если бы только это. Нельзя, он же предмет истории рода от дяди ПетиКатиОлиСережи. Чем выше, тем больше хлама. Скорая не торопилась. «Это как так он умудрился?» А я блин знаю. У него все не как у нормальных детей. Ладно, хоть зашили. Я бережно кусочек к куриной ляжке мороженной прижимал. А он... уснул на руках. У меня правая рука не поднимается. У него привычка эта засыпать на руках. Что он хотел своим «ва-ва-ва» сказать? Па-па. Отца, наверняка, поблагодарил за замыкание. У отца замкнуло, а нам отвечать. Ему.

МАМА выносит меня на руках.

БРАТ. Как он?

МАМА. Спит. Возьмешь.

БРАТ. Проснется.

МАМА. Ему такого снотворного вкололи, спать будет до субботы.

БРАТ. Лучше до понедельника.

МАМА. Мне поговорить с доктором?

Смеются. Брат забирает меня к себе, вздрагивая от спазмов смеха.

БРАТ. Да, и пусть рецепт выпишут.

МАМА. Осторожно, не урони.

Сцена 6

Такси

Семейная идиллия – мы едем домой. Я под снотворным «кайфом». Врывается музыкальная рапсодия – таксист поклонник Визбора. «Ты у меня одна», мама просит сделать потише, таксист слышит другое и меняет канал. За время поездки другое он слышит несколько раз. «9 симфония», болтовня про пробки.

Со мной все уже в порядке – палец на месте. Испугался, конечно. Свет погас, крик, словно на нас снаряд грохнулся, я на пол, диван отпустил, и крышка тяжеленная на руку. Боль адская. Я даже не понял, что у меня палец оттяпали. Да как тут в темноте что-то разберешь? Потому что папка кричал, а я как-то шепотом. Но когда стал понимать, что мои колени заливаает, заорал сильнее. С папкой все в порядке – немного подергало и отпустило, а вот со мной все по-другому. Пришлось в больницу везти. Ну, и все на этом. Всю дорогу я спал. На симфонии очнулся, посмотрел на брата и что-то беззвучно, от слез голос пропал и как рыба: «Ва-ва-ва». И уснул.

Сцена 7

Школа

Школа 1900. Класс 9-й. Образцово-показательный. Мягков математик, Смирнов метит в политики. Пацаны ненавидят девочек, а девочки мечтают понравиться старшакам. Я всегда занимал среднее положение – мне всегда было наплевать на юбки и на мнение разных там авторитетов.

До этого я носил рубашку, брюки, стрелки само собой. Прическа на правый пробор. Как себя помню, я так ходил. А тут решил изменить своему стилю – джинсы, толстовочка с грязными дизайнерскими пятнами, взлохмаченные патлы, как у рокеров. Конечно – «Ох, ты. Ерема, чего это? Так, зашел или все же посидишь? А что у тебя на голове. Испугался кого?»

Наверное, и походку надо поменять. Ну, если одел джинсы, почему бы и нет. Если раньше ходил размашисто, то сейчас попробую шаги сузить. А, ничего, получается. Чего пялитесь? Я так хожу.

Войду в класс и не как обычно поздороваюсь, махнув рукой, а, например, щелкну, или притопну, да просто подниму руку с кулаком. Пересесть тоже придется. Что я и делаю к

изумлению своего вечного соседа Дэна, с которым точно пуд соли схавали. Место на камчатке, там Колян, спаун, Валька, рисует комиксы. Теперь буду сидеть я.

ДЭН (*растерянно*). Ты куда?
Я (*уверенно*). Мне надо.

Друг, конечно, привык – и списывать, прикрыть в случае чего. А тут – предательство какое-то прямо.

ДЭН. Ты чего?

Я. Ничего. Ты, Дэн, запомни, я теперь сижу вон там, а ты здесь.

ДЭН. Ты чего обиделся на что-то.

Я. Нет, просто однажды один человек посылает другого.

ДЭН. Зачем?

Я. Слушай, Дэн, не спрашивай.

ДЭН. Не понимаю. Ведь так не бывает. Должна же быть какая-то причина.

Я. Никакой причины. Просто делай так, как я тебе сказал и все будет нормально.

ДЭН. Для тебя может быть и нормально. С кем мне теперь сидеть? Я как-то привык уже.

Я. Привыкнешь. Мне тоже привыкать.

ДЭН. Тебе как палец тягнули, так все.

Я. Вот и причина.

Сцена 8

Пусто

Я выхожу со школы. На крыльце остается растерянный Дэн – он привык, что мы вместе идем со школы. Район один. Он все еще надеется, что это была шутка. Извини, Дэн. Не по пути. Я выбегаю на оживленный проспект, прохожу ряд домов, смотрю по бумажке расположение, ныряю в арку, прохожу двор, еще одна улица, переход. В переходе стоит парень в кепке, делающей его голову больше раза в полтора. Он ведет себя осторожно, оглядывается.

Я. Покажи.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. В конверте.

Я. Но мне нужно видеть

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Уверю, все полный хоккей.

Я. Надеюсь. От этого много чего зависит.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Я знаю свое дело. Ты не единственный.

Я. Правда?

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Конечно, у меня такие случаи бывают... что уши развесил. Нет, рассказов от меня не жди. Тут не загород и не подпольная мастерская по ремонту напильников. Тут люди по пачке в минуту проходят.

Я. Хорошо, давай.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. А, деньги.

С легким сердцем я залезаю в карман, и... тут я понимаю, что деньги, те самые, которые я вчера подготовил, копил, зарабатывал самыми разными способами (помните табличка «Спасите»)... их нет.

Я. Тут такое дело.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Что деньги отрастили ноги? Знакомо. Ну, тогда как только вернутся, конверт будет у меня.

Я. А можно как-то иначе?

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Нет.

Я. Но мне сейчас нужен.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Как и мне деньги.

Сцена 9

Мама

Мамы не было дома. Она сидела у соседки и немного выпивала. Она все меньше любила сидеть дома. С отцом скучно (отцу кажется только одному самому с собой весело), брат точно не телевизор с тридцатью каналами, а я бы не отказался поговорить, но мама... она такая, такая... неуловимая.

МАМА. У меня только на руках. Во, мышца. Потрогай. Камень. Из меня брусчатку можно класть. А что отец? У него здесь каша. И там, и тут. С утра веселый. На мои «Хватит, может», замахнется и нос вытрет. Как помню, у него всегда этот насморк и липкая другая сторона ладони. Ведь, никогда меня не слушает. В три встает, денег же нет, все равно в свинью. На дачу ездил. Пальцы отморозил. До станции сто метров. Не дошел, упал в сугроб, заснул, пока старуха с козлом не подобрала его. Он глаза открывает, а на него козел смотрит. После этого не пил... месяц что ли. В огромном городе именно в него осколок попал. Дети во дворике бутылку со стальной стружкой запустили. Мой танкист шел там. Как ребенок. Шастает где не надо. На опустевшем рынке бродячие дворняги напали. Пришел, видок... как будто в конвейер на пилораме попал. И пьяный в дым. Пальцы не все, зубов три с половиной своих, остальные металлолом. А он шуткует – еще есть. Печень можно всегда в магазине купить. Видится мне, что он живучий. Его дед войну прошел, на второй день, после числа 15 мая забухал и утонул в луже. Кровь такая ядерная, течет и подзуживает на подвиги, войну, и он на танк, дергает рычаги, внутри него рычаги самопроизвольно шевелятся после водки-то...

СОСЕДКА. Со скуки это.

МАМА. Однажды его родителям было нечего делать, и они его зачали. Со скуки. Конечно, выделяется перед детьми. Они после меня здесь все построят. То, что разрушил папка. Не любят они его.

СОСЕДКА. Любят. Только по своему.

МАМА. По-своему это как-то по-другому называется. Правда он дал этому название – карма. То есть у него теория, что как нас любили родичи, так и мы будем. Из поколения в поколение блуждает одна то ли любовь, то ли как-то ее по-другому. Старший во всем противоречит. Этот высоты боится, так наш герой все куда-то лезет. Этот рыбачил, уху может семь дней в неделю, спит раскрытым, а сыночек родной укутывается, как лихорадочный, рыбу терпеть ненавидит, а рыбаку однажды рожу начистил.

СОСЕДКА. За что?

МАМА. Просто. Не понравился он ему. Не так сидел, не туда посмотрел, ну ясно.

СОСЕД. Молодежь. Все жарко им.

МАМА. Я своему посмотри, что выросло-то. Но он же не слышит. У него правое ухо хуже левого, вот он этим и пользуется. А младший все больше за мной. Если раньше мой Сашка как увидит, что я Славика на руках, все скандал. Он должен расти мужчиной. А со вторым он как-то бдительность и потерял. С первым он и не находил. А вот со вторым... ведь было же...

Сцена 10

Алеша

Я мечтаю о доме, куда хочется приходить. Чтобы тапочки стояли, чтобы выходил навстречу кот, чтобы с кухни шел такой аромат, после которого нервно стягиваешь ботинки и пропускаешь ванную и туалет. Потом, потом, сперва то, что мамочка приготовила. Но тапочки в разных углах, кота заводили, но выжили уже через месяц, а на кухне папа перед открытым холодильником, и если принюхаться, то ничего или почти ничего. Но бежать не хочется. Пусть хотя бы был отдельный вход в свою комнату. А то, этот брат, как будто многоголовый несколькотельный ящур, который если он дома, то повсюду.

БРАТ (*злостно*). Але-ша, Ну снова ты под ногами вертишься.

Я. Я не Алеша.

БРАТ. Еще какой Алеша.

Я (*капризно*). Ты мне пять тысяч верни.

БРАТ. Сколько?

Я. В кармане, там была пятерка и мелочь. Мелочь лежит, а пятака нет... Отдавай.

Быстро. Я копил.

БРАТ. Пошел отсюда.

Я (*нервно*). А если поискать? Выверни карманы. Ну, давай. (*Пытаюсь это сделать самостоятельно*).

БРАТ. Пошел ты. Иди чеши в другом месте.

Я. Карма-ны!

БРАТ. Я те щас так выверну. Пять тысяч. Малой, они тебе приснились, да?

Я (*с повышенной злостью даже*). Они у меня были, были, они мои и никто, а ты...

ТЫ...

БРАТ. Я, я...

Я. Ты... (*что еще остается, как нервно трясти вытянутым пальцем и хлопнуть носом*).

БРАТ. Я проклят. Что ты со мной делаешь? А, внутри меня что-то происходит. Нет, пожалуйста! Остановись! Прости, но я не могу остановиться. Теперь я должен буду съесть тебя. Ты перепутал заклинание. Ха-ха. Прости. Ха-ха. Я не хочу. Ага-га.

(*Валится на меня и колотит... мягко, не по-настоящему, однако я явно не настроен на игры*).

Я. Хватит. Хва-тит. Почему ты надо мной издеваешься?

БРАТ. Я же старший брат. Такая уж у меня доля. Если дам слабинку, то из тебя котлету другой слепит.

Я. Меня никто никогда не трогает. (*Вырываюсь, и тинаю старшего поддых*). Только ты, ты.

БРАТ. Вот, сученок-козленок.

Я. Ты признаешься, что взял деньги?

БРАТ *(в крик)*. Да. Это был я. И что ты сделаешь?

Я. Я тебя убью.

БРАТ. Прекрасная мысль. Когда?

Я. Скоро.

БРАТ. Чем? Вот этим пальцем? *(Я до сих пор стою, вытянув палец)*. А, у тебя есть оружие.

Я. Достану.

БРАТ. Где?

Я. Найду где.

БРАТ. Так этот изъятый пяточок на огнестрельное для меня. Значит, все правильно. Спасение старших братьев дело рук самих старших братьев.

Я. Нет, это для другого. Я не должен отчитываться. Отдай! Я же тебе не лезу в карман.

БРАТ. Попробуй. Тогда точно пойдешь со мной по крышам.

Я. Я тебя ненавижу. Ты бы знал, как я тебя ненавижу.

БРАТ. У нас теплые чувства, я это знаю. Нет на тебя дяди в форме.

Я. Не смей!

БРАТ. Он бы тебя на место поставил. С ним бы так не разговаривал. У него табельное, нервы в комок, его лучше было не злить. Может быть, тебе в полицейские податься. Там отличные перспективы, особенно ближе к 40.

Я. Хватит. Это не смешно.

БРАТ. Но ведь правда. Их было двое и нас двое.

Я. И что? Хватит, я сказал.

БРАТ. А я так думаю – что не случайно все. Два брата, как мы, один из них помладше стал поли... тогда милиционером, а потом... в 35... Девятый этаж... причина неизвестна.

Я. Заткнись!

БРАТ. А почему? Нельзя бояться очевидных вещей. Ты совершишь полет... это точно.

Я. Замолчи! Это ты скачешь по крышам.

БРАТ. Это другое. Это призвание. Или проклятие. Родственное. Но от этого еще никто не умирал.

Я. Зачем ты всегда хочешь меня напугать? Я что плохой? В чем я провинился? Почему деньги которые я собирал, те, что мне подарили на день рождения, сдача после хлеба, по рублю, по два, которые я так хотел потратить, все в Макдак или там по своему усмотрению, а я не...не делал этого, достаются тебе. Так же нечестно.

БРАТ. С таким характером долго не проживешь.

Я. Дай пройти.

БРАТ. Тебе надо меняться.

Я. Ты сказал, что не проживешь. Зачем меняться?

БРАТ. Нет, я сказал это, чтобы ты понял, что нужно что-то с собой делать.

Я. Он не смог да? Что-то сделать.

БРАТ. Да, так получилось. Все мы виноваты. Я наверное должен был и ты, и мама, и все. Все. А они.

Я. А он...

БРАТ. А он сдулся.

Я. Разве так можно о нем?

БРАТ. Можно. Теперь о нем все можно.

Сцена 11 Поподробнее

Теперь об этом поподробнее. У меня был дядя. Был, к сожалению. Была у него семья. Жена, дочурка. Жена в библиотеке, дочурка моя ровесница. Сам он полицействовал – в пожарной охране. И вот однажды ему наскучила эта брэнная житуха и он решил отправиться в соседний мирок, где бесплатно кормят и домашнее задание не спрашивают. Ему было 35. До пенсии оставалось два года.

У него тоже есть старший брат. Разница в возрасте - шесть лет. Как и у нас с братом. И жили они на девятом. И даже когда он завел семью и переехал в ипотечную четырнадцатизэтажку, на пятый, мы тоже к тому времени разменялись и тоже оказались на пятом с лоджией на кухне. С этой лоджии он и сиганул однажды под самый новый год, таким образом сделав подарок всем сразу.

А началось все у него в школе. Был у него друг, и звали его Дэн. И сидел он с Дэном на втором ряду от учительницы. Точно там, где сидел я. И писал он, как и я левой рукой. И рисовал хорошо. Особенно лошадей.

Я постарался сделать все, чтобы все было по-другому – и место, и друг, я стал пробовать писать правой. Это трудно после стольких лет, но у меня получится. Правда, не все видели в этом положительные моменты.

Сцена 12 Под лестницей

То ли им мой прикид по вкусу не пришелся, то ли эта ракировка – я примкнул к самому отстою. И хожу я не так, и на уроках отвечать стал больше. То я сидел на втором ряду от училки и молчал, то сейчас среди этих дроздов слыл голосистой птичкой.

Есть в школе такое место под лестницей. Там комнатка уборщицы со всякими тряпками и ведрами. Вот я там и завис.

Я (с дрожащими руками). Тихо здесь. Сейчас история. Значит, народ спит и проверка еще не скоро. Вынырну где-то через минут десять, когда опоздуны рассосутся. (Трогаю расшибленную губу). Они засадили мне. Синячище. У брательника рука и то помягче будет. И ладно сами. Своих-то я как облупленных знаю, а тут старшаки. Дембеля, блин. Не по уставу ходишь, ведешь себя как пидор. В солнышко и по коренным. Шатаются. Мне сейчас что по стоматологам бегать? Суки! Я им в обратку пытался, но они же жирафы, мне до них как до института. Тогда я им с разворота. Откуда я этот прием взял. Бывает же, смотришь эти фильмы, ничего не запоминаешь, а когда надо, всплывает. Всплыло. Только после этого они еще больше обозлились. Конечно, сколько им, а сколько мне. Они уже траву курят, и им в легкую с директрисой васьваськаться. Теперь меня на бабки поставили. Принесешь, говорят, завтра под рябиной. А почему не под липой. Или дубом? Ну, чтоб отстали согласился. Но я то знаю, что они ничего не получают. Ага, сейчас. Мне деньги на другое понадобятся. Придется школу пропустить. А то не хочется к стоматологу бегать. У нее такие щипцы и она так на тебя смотрит, как будто сейчас не зубами займется, а твоим сердцем и всеми внутренними органами.

Столько совпадающих моментов не может не напрягать. Моя тяга к оружию, мое желание побороть слабость, школа... новый друг он появился совсем неожиданно. .

Сцена 13
Новый друг

Я не знал, куда пойду. У меня были два места – улица с табличкой, но там полиция и возможно эти отморозки, которые и в школу то ходят только за получением мзды и один приятель, который я знал, что всегда откроет, если я что-то для него сделаю полезное.

НОВЫЙ ДРУГ. У тебя посуда грязная есть? Славик повадился. Прямо с утра, когда я еще сплю. А он «Давай посуду помою». Не доброе утро, не извини, ничего... «Я могу еще и завтрак сообразить». У меня вообще-то родители живы. Ему в школу надо, он с восьми учится. Моя мамка в 7.30 уходит, папка в 8, а Славка в 8.15 у меня. Ты почему не в школе? Че там делать. А не попадет? Да ну их. Не понимают они. У него брат его колотит. Мама из окна подглядывает да так, чтобы он все видел. Папка... а есть ли у него папка?

А мне-то что. Весело. Мои на работе. Я ему «Хорошо, вымой. Завтрак не надо, а вот мусор бы надо выбросить. И еще в географии надо контурные разрисовать». И он за так готов на все. Нормально, пусть ходит. Мои не знают. Однажды родители подзадержались, ну я ему просигналил, хорошо. что у нас второй этаж, просто, с балкона. Тот стоял, за липой прятался. А на той неделе мамка осталась, и я не успел просигналить, точнее успел, но Славик опустил голову и идет, как будто забыл, что мы с ним договаривались – «как только идешь ко мне, смотри на балкон». Приходит, мама «Да?», а он дуралей как рванет вниз по лестнице. Мама сказала, что «приходил хулиган с нехулиганским лицом».

А колотит его брат серьезно. У него синяки такие, что понятно, как тот его и куда. Ладно. Когда все помыто и начерчено, можно и помочь. Ну, научил я его. Подножки, перевороты, подсечки. У меня папка в полиции. Знаю я несколько верных приемов. Да так, чтобы не встал. А Славик ничего, быстро вошел во вкус. Увидел папкину форму, У него есть служебная и тренировочная. Он как раз был на тренировке. Так он давай померим. Да ты что, папка меня за это...А он пристал, почти как в танчики. Так давай. Прикол. Мне то что. Только потом повесим. Но она на нем мешком сидела. Но он все равно. Теперь как придет, так грустно смотрит в сторону, на пустую вешалку, а когда она висит, то «Давай, давай...» Я не отказываю.

Он просился ко мне и на выходные. Вместе погонять, поиграть в напарников. Он где-то киношку посморел про двух напарников полицейских, так вот у него крышу сорвало. «Давай, давай...!» Прости, но в выхи я хожу с родителями в кино, Макдак. И на день рождения просится. Можно говорит, разбиться на хороших и плохих. Обойдется. У нас же все подсчитано. Программа. Люди. Плохие не предусмотрены. Нет. Пусть все остается, как есть. Он приходит по утрам через день. Когда папка или мамка дома, сигналю. Мамке ему лучше на глаза не попадаться после того дурацкого побега. А так ничего – пусть приходит. Домработница за так. Жаль, похвалиться нельзя этим.

Сцена 14
Брат и Васян

У брата тоже есть друзья. Только что он делает – подбивает под себя. Если девушки просто уходят, то друзья немного терпят его выходки. Балкон недостроенного дома. Двое курят. Один кашляет. Другой поднимает руку, но не хлопает.

БРАТ. Ты должен узнать, как это. Когда ты сам. Только твои легкие в дыму и никого. Их семеро, а у тебя рука в гипсе. Вчера подрался. И в больничке тебе сказали не вставать, но тебе чертовски захотелось курить..

ВАСЯН. Нее..

БРАТ. Хорошо, неудачный пример. Вышел отлить. На толчке батя сидит с несварением, а тебе не с балкона же... А их семеро. Тебе не успеть до подъезда. Темно. Что делать?

ВАСЯН. Свалить по-быстрому, пока не завалили

БРАТ. Неправильный ответ.

ВАСЯН. Притаиться? На дерево? Как?

БРАТ. Да нет. Вломить одному, другому, ну, чтобы другая половина испужалась полные подгузники и слипшись воедино, шатаясь шлепали по лужам крови.

ВАСЯН. Я лучше папку дождусь.

БРАТ. Чтобы на твоём месте сосед оказался?

ВАСЯН. Пусть лучше сосед за меня в больничке полежит.

БРАТ. Мудак. Слушай сюда. Мы Геркаклы, блин. Железный спайдер мэн и Годзилла тут. И возможностей у нас до Луны. Их не нужно копить. Они никому кроме тебя не пригодятся. Транжирь, блин!

ВАСЯН. Транжирю. Наверное.

БРАТ. Мало. Ты на лифте сюда поднялся? А слабо по трубе?

ВАСЯН. Зачем?

БРАТ. Реинкарнации нет, и если даже и есть, то за твои потраченные вхолостую попытки быть «хироу» сделают из тебя в будущем вот этот балкон, на который будут выходить в лучшем случае такие как мы и будут триндеть на темы быть или не быть, вот в чем вопрос.

ВАСЯН. Смолить или не смолить. *(Бросает сигарету вниз)*

БРАТ. Ты чего?

ВАСЯН. Не быть.

БРАТ. Ныряй теперь за ней. *(Васян испуганно на него смотрит)*. Я тебе говорю, ты сейчас за ней нырнешь и достанешь.

ВАСЯН. Да ты че?

БРАТ. Ты понял?

ВАСЯН. Да пошел ты. Сам спускайся по трубе.

БРАТ. А что я спущусь.

(Спускается).

ВАСЯН. Дурень, ты че?

Сцена 15

Они

У меня проблема. Мама заметила.

МАМА. Тебе не было в школе. Ты был в 13 доме в квартире номер 200. Еще раз увижу, убью.

Да еще и этот костюм.

МАМА. Что это на тебе?

Однажды я взял его на один вечер. Чтобы посмотреть как я выгляжу. У друга из 13 дома зеркало только в серванте, заставленным посудой. Не знаю, что на меня нашло. Даже не то, что я хотел бы быть полицейским, бегать с пистолетом, на машине ездить и кофе с пончиками во время ночной слежки... тут я просто хотел хоть немного понять, что чувствовал дядя. Может быть форма такая тяжелая. В ней действительно было тесно. Трудно дышать. И ранняя лысина от фуражки. Он сам говорил. Если носить ее целый день на протяжении многих лет, то может быть...

МАМА. Быстро снял.

Даже не потребовала объяснений. Мне, кажется, она подумала, что это дядин костюм (у нас больше никого в полиции).

МАМА. Когда я дважды повторяла?

Пошел в школу, тем более когда-то же нужно возвращаться. И мне так жутко хотелось вернуться к Дэну, но с ним уже сидел Борька, рыжий и тупой. А у меня списывал с селедочным запахом. И походка моя тоже изменилась. Я два дня проходил, а потом она как-то выправилась в обратную сторону. И писал я правой. Ну, надо было успевать. А какой там успеешь, когда пока одну букву выводил, другую, а они уже предложение заканчивают.

А после уроков...они. Потому что при всех я как-то прятался, за шторой, в цветнике и в столовую не ходил (в другом случае попросил Дэна что-нить принести, а тут никого и не попросишь).

ОНИ. Деньги собирал? Что язык отнялся?

Я. У меня нет для вас денег.

ОНИ. Слушай, клоп, если завтра не будет нужной суммы, то...

Я. То что... что? Что вы со мной сделаете. Убьете? Да я что думаю вас боюсь. Мне на ваши кулаки... с самой высокой крыши.

ОНИ. То есть ты предпочитаешь регулярное мочилово. Что же, нам это тоже нравится. Пацаны, держите его. Он трясется. Ха-ха. Движущаяся мишень даже как-то интереснее.

Неожиданно появился Дэн.

ДЭН. Не трогайте его.

ОНИ. Так, еще разочек.

ДЭН. Вы что плохо слышали.

ОНИ. Если ты сейчас уйдешь, то останешься жив.

ДЭН срывается и налетает на них. От неожиданности длинноногий падает. Я пинаю второго, того кто меня держит и тот тоже в ауте.

ДЭН. У меня есть друг Мустафа. И если вы хоть раз ко мне, к нему, не важно подойдете, то будете в гавне.

ОНИ. Он что гонит? Кто этот Мустафа? Мустафа он район держит. Район. Кремль вроде как за всех. Кремлев у него пешкой ходит. Да ты что? Ладно, ребя без обид. Пойдем отсюда. Кремом замаж, чтобы никто не увидел.

ДЭН. А извиниться?

ОНИ. Что?

Я. Не надо.

ДЭН. Тсс. Я жду.

ОНИ. Это что мы должны...

ДЭН. Мне что телефон достать. Вот он у меня первый. У меня нет друзей на «а», «б», «в», у меня сразу идет Мустафа.

ОНИ. Извини.

ДЭН. Все же я сделаю звоночек. Чтобы он вас на учет поставил.

ОНИ. Мы же извинились.

Они боязливо убегают

Я. Зачем ты это сделал?

ДЭН. Наверное, потому что ты еще мой друг.

Я. Но я же вроде как отдельно сижу и прочее.

ДЭН. А разве дружба зависит от этих моментов?

И он чертовски прав же.

Сцена 16

Работа

Я продолжил ходить в школу, но мне нужны были деньги. Конечно, впереди была днюха, но почему-то у родителей есть какая-то навязчивая идея, что деньги я обязательно пушу в наркотики, сиги и что-то запретное. У их друзей кстати тоже. Я пытался просто найти работу, но меня даже листовки раздавать не давали. Ты еще маленький. Или например, хотел выгуливать собак. Так никто не хочет. Поэтому табличка «Спасите» недалеко от метро, жалкий вид и порядок. На этот раз я решил недолго – часик, но люди оживленно клали и где час там и два, а когда я сидел четвертый час и думал, что вот пятый он будет последним, то подошел старшой.

СТАРШОЙ. Знакомые все лица. Стой (*Успевает схватить за руку*). Что бабушка твоя не против?

Я. Ей нельзя волноваться.

СТАРШОЙ. В этот раз придется. Сейчас мы пойдем к твоей бабушке, познакомимся, она накормит обедом, я думаю, она не будет против.

Я. Ее нет дома.

СТАРШОЙ. И где же она?

Я. В магазине.

СТАРШОЙ. В каком?
Я. Не знаю. Она может целый день ходить. Она же бабушка.
СТАРШОЙ. Понимаю. Тогда мне нужно посмотреть, где ты живешь.
Я. Вон в том доме.
СТАРШОЙ. Нет, пошли.
Я. Зачем?
СТАРШОЙЮ. Ты мне покажешь. Мне нужно поговорить с кем-нибудь из соседей.
БОМЖ (*будучи рядом*). Отпусти его.
СТАРШОЙ. Молодец, парень. Позаботился об охране. Ты кто такой?
БОМЖ. Я его сосед.
СТАРШОЙ. Что-то я очень сомневаюсь, что у тебя есть дом.
БОМЖ. Что ты хочешь узнать?
СТАРШОЙ. Мы пойдем вон в тот дом, ты мне покажешь твою дверь и мы позвоним в соседнюю, чтобы послушать, что про тебя говорят соседи.

Бомж резко хватает старшого.

БОМЖ. Беги!

СТАРШОЙ. Отпусти, су...

Я сперва растерялся.

БОМЖ. Ну, давай же.

Старшой уже вырывался и еще мгновение...И я рванул. Он не знал ни моего адреса, ничего. А тот дом – ну за кого вы меня принимаете, конечно же он был даже не в моей стороне. Знал бы я куда мне предстояло бежать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Застолье

Праздник это очень хорошо, когда его хочешь. Когда должны подарить что-то очень особенное или сводить, а то и свозить. А тут очередной. Да и список гостей как обычно составлялся без моего участия. Мама постаралась. Ей же нравится, когда я вхожу в зал, где уже выпита не одна бутылочка, а я еще не вроде как даже и не нужен – им вполне хорошо.

Я вбегаю после того, что мне угоновила улица. Снова без копы, а тут еще и... народец. Раскрасневшиеся от бутылочек на столе. И тут один из гостей (внимательный какой!) встал из-за стола (от только что проглотил 50 беленькой и три масляных грибочка) подходит ко мне, встает на четверинки (не такой уж я и маленький) и протягивает руку. «Ну что, молодой человек, позвольте вас поздравить!?»

Я. Не позволю.

И он воспринял это спокойно, пожал плечами и продолжил свое водко-грибное глотание. Но я не был спокоен.

Я. Я не хочу ничего. Уходите!

Но разгоряченные, веселые, неумолкающие ни на секунду, они меня просто не слышали.

Я. Уходите!

Не слышат.

Я. У-хо-ди-и-и-ите!

Услышали. Со вниманием ко мне. Нужно повторить.

Я. Уходите, я сказал.

МАМА. Стоп.

Я. Пусть они уйдут.

МАМА. Так нельзя. (ПАПЕ). Скажи ему.

ПАПА. Они тебе принесли подарок.

Я. Мне пятнадцать. Нахрена мне спасательный круг. Что я буду делать с паззлами? Они что верят, что я буду читать Коэльо или все тома Гарри Поттера?

МАМА. Главное, не это.

Я. А что главное? Что?

МАМА. Ну, скажи ему.

ПАПА. Слушай маму.

Но я уже никого не слушал.

Я. Вы должны уйти. Все пошли прочь. Все! У меня день рождения и я имею на это право. Так?

Гости не хотя разошлись. Даже те, кто хотел вызвать такси, вызывали его уже одеваясь.

Мама все извинялась, но разве это поможет. Только я знаю, что мне можно. Никто за меня не может знать.

Сцена 2

У комнаты с закрытой дверью

Им что совсем делать нечего. Пусть глотки рвут. Мне то что.

ПАПА. Сына, поговорим. Открой. Хорошо. Тогда скажи, что с тобой. Переходный возраст у нас был. Сейчас что?

МАМА. Половое созревание. Папочка, может быть, расскажешь сыну про то, как ты начинал. Поделись опытом со своим сыном.

ПАПА. Да, а че тут. Он и так все знает. (Мама машет рукой и уходит). Ты это хорошо сделал. Только она теперь неделю не отойдет.

МАМА (из кухни, только голос). Я че-то не слышу.

ПАПА. Ну, так вот был я когда-то молодым. И мне не хотелось сидеть дома. Я выходил в парк или кафе и там брал пиво... да, пиво и за пивом я... *(Прислушивается)*.

МАМА *(голос)*. Я здесь.

ПАПА *(вздрагивает)*. А еще там были женщины. Разные. Выбрать было непросто. Как в магазине. Как перед двумя дорогами. Какой лучше пойти. Или пиво выбирать тоже не просто. Другое дело, если пиво уже куплено и стоит в холодильнике. Пусть за тебя кто-то выбрал, но оно уже в холодильнике... *(Прислушивается. Шепотом)*. Я пойду. А ты пока подумай над тем, что я тебе сказал.

(Уходит, слышится звук открывающегося холодильника и пива)

.Сцена 3

Старший и младший. Ночь

Я был в ванной. Приложил к уху расческу (телефон, типа) и разговариваю. Поговорить стало не с кем. Пришлось удалить всех друзей, я вроде как другую жизнь веду. Хочешь жить – будешь так поступать.

Я. Друзей не должно быть много. Если и нет их, тоже. Есть мамка, папка, брат, хоть и дебил, но иногда посмотреть футбол и Дискавери тянет. Он так смачно комментирует. Нет, в нем есть хорошее. Только можно было бы все то, что не нравится выбросить. Как папка - «Вот это оставим, это сгодится», а мамка «Выбрасывай нахрен». Мамку я больше боюсь. Она в доме вождь. Папка не работает. Скис совсем после прыжка братишки. Не понимаю. Зачем он так? Что ему не жилось. Семья, квартира, джип за лимон. Почему? Брат говорит, что бывает так, что даже деньги не приносят удовлетворения. Что случается такое только с теми, кто болен и его не вылечить. Или те, кто поссорился с очень влиятельными людьми. Так что же он болен был или поссорился?

Брат хоть и дебил, но блин иногда на вопросы так отвечает. А то папка он ничего и не знает. С ним неинтересно. Он как будто бы тоже маленький, только большой и небритый. Я его как-то спросил, что мне делать, если ко мне в школе пристали старшие и просят за пивом сгонять. Он мне «Ну и сгонял бы». Ну что за дерьмовый совет. Так только лохи могут говорить. Так меня совсем уважать перестанут. Как дома, только еще хуже.

Открывается дверь и конечно входит СТАРШИЙ. Когда туалет с ванной совмещен и на двери такая штука, чтобы не закрывалась (когда в доме есть дети, родители идут на это), возможно и такое.

БРАТ. Ты чего здесь?

Я. Не спится.

БРАТ. Поговорим.

Я. Нет.

БРАТ. Давай поговорим.

Я. Не хочу я с тобой говорить.

БРАТ. Это лучше чем прикладывать расческу.

Я. Твое какое дело.

БРАТ. Ты мой брат.

Я. Правда? И что?

БРАТ. Че ты такой дерзкий. Можем же мы поговорить с тобой спокойно?

Я. Не можем.

БРАТ. Почему спрашивать не буду, скажешь, что мы с тобой расходимся во взглядах, у тебя интересы порвать жопомонстрам, и пролайкать всех резиновых подруг.

Я. Все?

БРАТ. Нет.

Я (*дрожащим голосом*). Продолжай.

БРАТ. Да че продолжать. Я же шучу. Мы же раньше часто прикалывались с балкона наблюдали, кидали в них разное.

Я. Маленькими были.

БРАТ. Сейчас вырос.

Я. Мне надоело быть.

БРАТ. Один чувак посмотрел на другого и сказал, ты же мой брат.

Я. Не смешно.

БРАТ. Я не хотел тебя смешить. Мы же знаем, что ты будешь смеяться только миллиона за три.

Я. Четыре.

БРАТ. Ставки растут.

Я. Я тоже.

БРАТ. Мне линейку принести?

Я. Что тебе надо?

БРАТ. Одного чувака в Питере съел питон, другой пытаюсь бежать от полиции, съел планшет.

Я. Да пошел ты? Зачем мне все это?

БРАТ. Как зачем? Это же все из твоей любимой странички в инете. Там еще много чего...

Я. Она никогда не была моей любимой. Я могу пойти спать?

БРАТ. Нет, не можешь.

Я. Пусти. Мне надо.

БРАТ. Бесплатный вход, платный выход.

Я. Я так и знал.

БРАТ. Если знал, чего не подготовился.

Я. Тебе все мало. Тебе только от меня деньги нужны.

БРАТ. Дай подумать. Да, только деньги.

Я. Ты же большой. Почему не работаешь?

БРАТ. Зачем, когда есть младший брат.

Входит ПАПА. Он всегда появляется когда не надо. То есть кто-то разговаривает и он. Кто-то делится чем-то и конечно он.

ПАПА. А вы чего здесь?

БРАТ. Его спроси.

ПАПА (*мне*). Ты чего?

Я. Да пошел ты.

Убегаю.

ПАПА. Он куда?

БРАТ. Не знаю. Ты же, наверняка, заметил, как он отвечает.

Уходит. ПАПА воспользовавшись моментом, открывает холодильник и только собирается выпить, приходит мама. Явно веселенькая. От соседки, от принятого.

МАМА. О, папагай. Что, член семьи, все спят?

ПАПА. Ага.

МАМА. Значит, порядок?

ПАПА. Ага.

МАМА. Молодец. Они спят, значит и я могу... как же хорошо.

ПАПА. Спокойной ночи.

МАМА. И тебе не вертеться.

Сцена 4

Бомж в 10-м поколении

Я шел по улице и думал, почему я родился именно в такой семье. Ведь могло же быть по-другому и, у меня был бы нормальный брат или вообще бы не было, и мама тоже не ходила к соседке понятно зачем, и папка бы так рано не двинулся разумом. Тогда бы у меня точно родственники из окна не падали, и мне не бы не приходилось так гнуть свою жизнь, как алюминиевую ложку. Сколько раз она ломалась? У меня четыре.

Признаться, что мы живем не по своим законам, а по чужим.

Отчего так – дома как будто не ты, за тебя думают, ты словно исчезаешь, выходишь – она, вот он я. И руки, и болячки начинают ныть. Дом – большая wi-fi анестезия. От всего. И тут он.

БОМЖ. Хорошая курточка.

Я *(снимаю куртку)*. Забирайте.

БОМЖ. Зачем ты ее отдал? Я просто оценил, что твоя курточка действительно хорошая. В ней тепло и цвет такой особенный

Я. Цвет детской неожиданности. Так, берете.

БОМЖ. Она тебе совсем не нужна?

Я. Нет, не знаю.

БОМЖ *(возвращает куртку)*. Она мне все равно не по размеру. Забирай. Мир становится теплее, когда живешь на улице.

Я. Что?

БОМЖ. Все зависит откуда ты смотришь. Здесь теплее чем там, где ты стоишь.

Я *(с усмешкой)*. Ну да.

БОМЖ. У тебя квартира, комната своя и ты думаешь мир такой бесконечный что его не обойти. А он шагнул и все, уже край. И нет никакого холода, жары. И не нужно никаких курток.

Я. Что вы такое говорите? Я ни о чем не думаю.

БОМЖ. Это правильно. Знаешь, почему я здесь?

Я *(продолжая усмехаться)*. Ты слишком много думал, знаю, что все умные обыкновенно в параше... прости, я не хотел обидеть.

БОМЖ. И не обидел. Мне есть чем гордиться. Я бомж в десятом поколении. Одиннадцатого не будет.

Он кашлял. Поэтому стоять с ним мне не хотелось. Мало ли что. Они же как голуби. От них заразы разной можно подхватить.

Я. Я пойду.

БОМЖ. Иди. Ты должен идти. А мое место сидеть. Здесь.

Сцена 5

Дома

На ыпочках. Никто меня не ждал. Открытый холодильник. На диванчике лежит папа в одной руке йогурт. Просыпается.

ПАПА. О, сына. Я тебя ждал. Маме не выдал, сказал, что ты спишь. Хорошо, что она не проверила. *(Протягивает йогурт)*. Хочешь?

Я. Не, я спать.

ПАПА. Да, про девочек я могу и больше рассказать. Просто тогда мама стояла, да и за дверью как-то не так.

Я. Ладно, как-нибудь расскажешь. А что только мама спит?

ПАПА. Да, твой брат умчался. Я и его не выдал.

Я. Молодец, папка.

ПАПА. Так что про девочек тебе рассказать?

Я. Не сегодня.

Но я не спать. Я действительно хотел это сделать. Дверь в комнату брата была открыта. И карманы тоже.

Сцена 6

БРАТ

В этот момент мой брательник шел домой. Вид у него был плачевным. Мне редко удавалось застать его в таком состоянии.

БРАТ. Дьявол. Снова не та. Да как же ты найдешь, когда они все из дрянного теста. Их как будто лепили грязными руками наспех по неправильному рецепту. Они же должны четко понимать – не знаешь, слушай. У меня же метода – наблюдал, много рыскает глазами, подходил, задавал два вопроса «Кто, откуда» и одно предложение «Пойдешь со мной» и только потому на крышу. Не сразу. Чтобы постепенно. Не все же «Плюмбум» смотрели, где одна девочка полетела – легко красиво, но...упс... насмерть. Стариковский фильм. Романтику себе вообразят – «А я думала, что это романтично залезть и все что угодно, но только не прыгать. Прыгать то зачем? Никто этого не понимает. Посмотреть сверху на город, огни, найти свой дом, заглянуть в чужие окна, плюнуть, кинуть, крикнуть, посидеть на покрывале, съесть, выпить, подрыгаться, но прыгать-то нафига.

Они думают, что это у меня такой спорт. Прыгаю, как зацеперы цепляются, а прыгуны в воду двойной тройной переворот делают. Что у меня мания психовеличия или психомания величия. Они не слушают, что все дело в моих ощущениях. Что это как первые шаги, как впервые попробовал сладкое, что это хочется снова и снова. И что каждый последующий раз хочется больше. И нельзя остановиться, потому что как только остановишься, то перестанешь существовать.

Кто-то идет очень медленно по жизни, бегуны быстро, танцоры плавно, одни летят, третьи – прыгают и обязательно выше, чем над землей. Это мои шаги – я по настоящему

иду только тогда, когда я иду по крыше. Прыгая. Квики-квоки. Переход из состояния, когда ты такой как все, сердце тук-тук, почки где они там, голова как языческий божок, язык влажный, слюна через мгновение на стене или асфальте, когда мир отдельно от тебя, он тебе не принадлежит, потому что вы разные, он тебе не по размеру, как ботинки и джинсы (больно и неудобно)... в состояние, где все выравнивается и твой язык знает куда и сколько использовать слюны, он четко ведает, что сердце сможет выдержать это расстояние, что это переживание ему под силу и главное, что ты бог. Первооткрыватель, создатель своего собственного шага. А если есть свой шаг, своя скорость, то дорога появляется только своя.

Но мне очень нужен человек, который сможет сказать мне «Десять балов из десяти» или «Только четыре, прости, но ты подтянешься вон на той сталинке». Мне это важно. У меня нет крыльев, но они все же появляются, как только я осознаю, что моя нога идет в ногу с кем-то. Что я не один. Что нас хотя бы двое. Потому что у одного может поехать крыша, он может сломать ногу или попасть под волны амнезии. И тогда на помощь второй. Плечо и полны вперед!

Сцена 7 В школе

Они меня окружили. Им не понравилось, что я снова стал другим. То есть был себе, сидел в точке «в», и вдруг прыг на «й», погрелшись там немного, вернулся на «в». Конечно, со мной не разговаривают. Как будто не замечают. Но мне это и нужно. Да? Или уже нет. Я перестал неудобно ходить, вести себя вызывающе, мне это мешало. Теперь мне это не нужно было делать. Дэн меня пытал на уроках и на перемене.

ДЭН. Ты это того объясни всем. А то они говорят, что у тебя крыша едет не спеша.

Я. А мне начхать.

ДЭН. Тебе еще учиться.

Я. Ага.

ДЭН. Они меня засылают. Бояться. Узнали, что твой дядя слетел с кутушек, говорят, что это передается.

Я. Ты тоже так думаешь?

ДЭН. Не знаю. А надо?

Я. Я бы тебе рассказал, но только с одним условием, что никому.

ДЭН. Могила.

Я. Со мной может произойти то же самое, что и с моим дядей.

ДЭН. С чего это?

Я. Ты что-нибудь слышал о карме?

ДЭН. Какая-то мистическая ересь. По ТВЗ показывали. Там у целой семьи собак безногие рождались.

Я. Ну, почти. Считай, что смотришь какнал ТВЗ ближе к ночи.

ДЭН. А кто у тебя безногий? Не помню.

Я. Дурак. У меня дядька сиганул. Условия задачи повторяются. Место, герои, все как в игре про морских пиратов – пираты новые, а клад все также на дне океана.

ДЭН. То есть ты тоже... и что делать будешь.

Я. Условия переписывать.

ДЭН. Типа пирату бороду сбривать и вместо левого правый стеклянный.

Я. Типа, типа.

ДЭН. Ну, дела. А у меня черепашкидохнут. Может у них тоже по карме противопоказано со мной жить?

Я. Точно.

ДЭН. Ну, брат. Ты давай садись на Камчатку снова. А я уж как-нибудь с этими сухарями посижу.

Я. Спасибо.

ДЭН. Не за что. Я же понимаю.

Сцена 8

Упомянутый переход

Я шел туда. У меня были деньги. Мне пришлось проделать аналогичный путь до упомянутого «перехода».

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Принес?

Я. А то.

Процесс передачи прошел быстро – все знали зачем здесь: мне нужен был паспорт, ему деньги.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Убери. Поглубже.

Не терпится увидеть. Открываю – конечно, фотка немного смутилась, а так ничего потянет. Только что-то внутри подсказывало, что может быть, зря. Короче, сомнение было. Но ведь сомнение оно всегда есть.

Сцена 9

Боль

Наша «добрая» квартира. Наша неаппетитная кухня. Папа и брат прыгают... со стола. Точнее брат учит папу, как это нужно правильно сделать – чтобы не было больно падать и пр. Тот, из-за своей неуклюжести падает, а если нет – то все равно с ужасным грохотом.

БРАТ. Что испытал?

ПАПА. Действительно испЫТал.

БРАТ. Еще разок.

ПАПА (неуверенно). Вместе.

БРАТ. Дрейфуешь?

ПАПА. У меня же кости ломкие. И кожа тонкая. Если бы хотя бы кожа была потолще, либо кости... я бы не сомневался.

БРАТ. А не надо сомневаться. Когда прыгаешь, то тут другое. Отрываешься из своего прежнего состояния. В новое. У тебя была тонкая кожа. Прыгнул, а она толстая. И с костями тоже. Все зависит от прыжка.

Папа и брат прыгают, только брат остается на месте, а отец, скорее всего от неожиданности, падает, задевая чашку и тарелку с ложкой. Тарелка остается целой, в отличие от чашки.

БРАТ. Ну что!?! Чувствуешь?
ПАПА. Больно.
БРАТ. Еще что?
ПАПА. За эту чашку кому-то влетит.
БРАТ. У меня есть друг. Васян. Так он и то получше тебя квики-квоки.
ПАПА. Что такое квики-кваки?
БРАТ. Это прыжок из одного состояния...

Входит мама.

МАМА. Вы что делаете?
ПАПА. Квики-квоки.
МАМА. Что?
ПАПА. Прыгаем из одного состояния в другое.
МАМА. Зачем?
ПАПА. Чтобы кожа толще, а кости крепче стали.
МАМА. Ты идиот?
ПАПА. Не думаю.
МАМА. Правильно. Идиоты как раз не думают. Они просто делают. Квакают, квокают, чашки бьют. *(Замечает разбитую вдребезги чашку, точнее то, что от нее осталось)*. Что? Мою чашку с Гулливером. Любимую чашку. Ты знаешь, сколько ей лет? Знаешь?
БРАТ. Три.
ПАПА. Пять.
МАМА. Пятьдесят, не хочешь, Из нее еще дед пил, И бабка моя, И дядя тоже, И теперь я,, А ну пошли с кухни. Проваливайте, дармоеды. *(Прогоняет. ПАПА и БРАТ уходят)*. Допрыгаетесь вы у меня. Доквакаетесь. Доквокаетесь.

Сцена 10 Прыжок

БРАТ не слушает маму уже давно. Родители – это те люди, с которыми приходится жить... временно. Вот совершу крутой прыжок, говорит он, получу кучу лайков, тогда весь мир мой, а родичи пусть себе пьют и срутса до потери сознания. Снова крыша, новая девушка и еще одна попытка.

БРАТ. Ты готова?
ДЕВУШКА 2. Нет
БРАТ. Правильный ответ. Вперед.
ДЕВУШКА 2. А можно я позвоню?
БРАТ. Кому ты собралась звонить?
ДЕВУШКА 2. Маме.
БРАТ. Нет.
ДЕВУШКА 2. Нельзя просто говорить «нет», ты должен меня убедить.
БРАТ. Это круче сем секс.
ДЕВУШКА 2. Класс.
БРАТ *(решительно)*. Прыгаем!

ДЕВУШКА 2. Продолжай меня уговаривать.
БРАТ. Не дожدهшься.
ДЕВУШКА 2. Тогда я звоню маме.

Брат, конечно, не дает ей это сделать, вертит головой, хватает ее за руку и они... прыгают.

ДЕВУШКА 2 (*кричит*). Мамочка!

Сцена 11
Комната. Окно.

К окну я почти не подхожу. Да, после того, как дядька сделал это, окно – это запретное место. Все про него думают, не говорят, но как только в истории мелькнет окно, ага, осторожно, все так могут.

Но я очень много думал о прыжках. Может быть, он решил совершить квики-квоки, как называет это брат – прыжок из одного состояния в другое. Ему было плохо в этом вот он и... а что если подойти. Окно – это не просто две створки, которые открываются и закрываются. Это же как посмотреть. Может быть, он увидел дверь во что-то новое. Интересное.

Сам того не замечая я подошел к окну, открыл его и посмотрел вниз.

А что если это правда? Что это не было только его фантазией. Что он не был больным, как все считают. «Свихнулся. Не справился».

Я наклонился. Голова немного кружится. И очень трудно поднять ее, если уже наклонил. Но если я ее не подниму...

Входит мама. Почему-то тут же получается и поднять голову и отойти от окна.

МАМА. Что делаешь?

Я. Ничего.

МАМА (*замечает открытое окно*). Сегодня не слишком жарко. (*Закрывает*).

Я. Решил проветрить. Отжимался. Потные железы не спят.

МАМА. Да-да, конечно. Ты бы хоть убрался здесь. (*Замечает паспорт*). Это что?

Почему он валяется?

Я. Я уберу. (*Пытаюсь засунуть между книг*).

МАМА. Отдай мне. Я его положу вместе со всеми документами.

Я. Нет. Не надо.

МАМА. Там ты его точно найдешь. А здесь он может бесследно пропасть. Твоя комната похожа на Бермуды.

Я (*резко и громко*). Я же сказал, не-ет!

МАМА (*растерянно*). Ладно. Как хочешь. (*Хочет уйти. Оборачивается*). Кстати, вот ты на меня кричишь, а я же хочу тебя обрадовать. Завтра ты не идешь в школу. Мы идем на кладбище.

Сцена 12
Могилы

Мне всегда не нравилось кладбище. Я как-то старался обходить стороной. Кладбище это очень много могил, а в них понятное дело кто. И ходить лишний раз, сами

понимаете, не хочется. Нет, может быть, раньше я еще как-то ничего – лежат себе незнакомые мне люди, которых я никогда не видел, какое мне до них дело. Внутри ничего ни горячо, ни как. Или те, кто мне знакомы, но я их не особо помню. Дедушка, например. Мне был год, когда его не стало. Что я помню. Еще там кто-то из двоюродных. Мы с ними раз в три года встречались – что там может греть. А тут дядя, с которым еще вчера мы разговаривали. Он мне книжку про правила дорожного движения дарил. Там Скрудж учит как правильно переходить дорогу. А теперь он там, под землей. Я буду здесь стоять у ворот. А меня тянут.

Я. Не пойду я. Что мне там делать?

БРАТ. Ты чего? Нужно сходить, постоять там, цветы положить.

Я. Ну, положите.

БРАТ. Мы же вместе пришли. Дошел же. Че те стоит зайти внутрь. Зассал что ли? Не ночь же.

Я. Я подожду здесь.

БРАТ. Ты, блин, школу пропустил.

Я. И что? Я должен тебя слушаться?

БРАТ. В яблочко. Я твой старший брат. Ты меня должен уважать и ценить. Верить, что когда-нибудь ты удостоишься чести носить мои ботинки и куртку.

Я. Пошел ты.

БРАТ. Пожалел бы уши грешников.

Я. Твои что ли?

БРАТ. Про тех, что спят и желают проснуться.

Я. Хватит.

Появляется мама и папа.

МАМА (*нервно*). Ну все. Пошли, пошли. Быстро.

ПАПА (*прихрамывая*). Я не могу быстро.

МАМА (*хватает его под руку*). Давай, Арлекин, помогу. (*В мою сторону*). А тебе что личное приглашение или тоже помочь?

БРАТ. Он не хочет входить.

МАМА. Как не хочет. Быстро, я сказала. И это значит, что ты должен перенести свою задницу на раз-два из этой точки в ту.

Я. Я не буду.

МАМА. Он не будет. (*Пане*). Не надо на меня давить. У меня никаких нервов не хватает. Хочешь остаться, ладно, пусть остается. Мы быстро.

Семья уходит. Подходит бомж.

Я. Я вас знаю. Десятое поколение.

БОМЖ. Да, и никакого одиннадцатого.

Я. А если... нет, ничего.

БОМЖ. Летом и осенью я живу на кладбище. Оставляют пироги, выпить что. Самое трудное, когда жарко.

Я. Почему?

БОМЖ. Как ты думаешь. Что происходит с тобой, когда тебе жарко? А если ты еще мертв.

Я. Я-я не знаю.

БОМЖ. А мне кажется, я знаю. Сегодня я себя чувствую прекрасно, но завтра все может измениться. Но у меня есть преимущество – я знаю, каково им, правда, знаю, и если и мне в скором времени предстоит отправиться на покой, я не дерну рукой или глазом от удивления. Все мне будет знакомо.

Но мои вскоре появились. Дядя с улицы закашлялся, и как-то технично исчез.

МАМА. Замерз?

Я. Нет.

БРАТ. А мы загорали.

ПАПА. Здравствуйте. У меня есть кое что. *(Достает початую бутылку водки).*
Немного можно. Чтобы согреться.

МАМА. Че дурак. Ребенку водяру сует. Ну не дебил.

ПАПА. Дебил.

Они вечно ругаются. Могли бы здесь и не начинать.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 1

У психиатра

ПСИХИАТР. Мне уже не снятся сны. Слава богу. Говорят, что профнепригодность если врач остро реагирует на проблему пациентов. Но в то же время чтобы понять эту проблему, нужно ее каким-то образом сопроводить через себя, и таким же образом не царапая стенки своего дорогого существа вывести наружу. Если первое удавалось без труда, то последнее чаще всего было труднее сделать. Они продолжали царапать. Уважаемый доктор, я здесь только потому, что мне нужно кому-то все это рассказывать. Проблема всех психиатров в том, что они много берут на себя. Но не всегда знаешь, когда коробочка полная. У нас нет детекторов, никакой шкалы с красной меткой, мы все делаем наощупь. Если бы мы чинили машины или детские игрушки, тут другое – четкость и этого порой бывает достаточным. Но человек – его как ни рассматривай, ни подготовься в трех институтах, его поступки чаще всего непредсказуемы. Мы конечно можем предположить, что в 95 процентах он поступит так-то и мы сможем быть готовы здесь, но пять процентов есть всегда, и тоже не мало и тогда люди режут вены, задыхаются от включенного газа или в мешке с клеем, превращаются в зомби от дешевых галлюциногенов, прыгают из окна или просто глотают пол аптечки.

И эти пять процентов самые ужасные. Если большую часть жизни ты спишь, слушая бред, помогая им постольку поскольку, потому что им уже не поможешь – они выбрали свой путь. Я схожу с ума и впредь я буду так жить, потому что мне так удобно. Зачем слыть нормальным и малопонятным, когда можно просто быть психом, тогда действия людей будут более оправданы. И я прихожу сюда не потому, что знаю, что мне это поможет – просто я должен пройти эту процедуру, чтобы доказать, что даже здесь не могут помочь. Что мой выбор предрешен.

Я несколько раз сходил с ума. Да, пять процентов не шутка. Они меня однажды довели. Я думал и сам шагнуть с высотки, но что-то остановила – ворона пролетела, дождь пошел, как это бывает, когда все мешает. Значит, не нужно. Думал сменить профессию. Но когда пятнадцать лет просидел в кресле, в сущности ничего не делая, если

бы не круглосуточный радиоприемник, вещающий новости с того света, трудно идти в соцработники или учителя в школу.

А потом я просто нашел выход. Не слышать. Чувствовать, что перед тобой те самые пять процентов, и «кирпичная стена», дежурные фразы и порядок. Я хожу в церковь, и мне помогает это избавиться от угрызений.

Они продолжают прыгать, а я «играть в тетрис». Они ходят ко мне, зная что случится, а я им не мешаю.

Это было с моим дядей. Однажды мама привела его к психиатру. Тому самому, что только что исповедовался в церкви. Представьте себе, как только заканчивается трудная неделя, за которую один его пациент женился, а другой из окна прыгнул, он идет в церковь. И там его батюшка или Святой Иероним слушает при свете горящих свечей. Итак дядя моих лет, после чего-то такого, отчего мама испугалась и отвела к доктору «психоцелителю».

ДЯДЯ. Я не хочу с вами говорить.

ПСИХИАТР. Говорить буду я. Ты будешь слушать.

ДЯДЯ. Не хочу.

ПСИХИАТР. Успокойся. Это просто.

ДЯДЯ. Не хочу успокаиваться. Не хочу. Почему меня сюда привели? Я не должен быть здесь. *(Встает)*.

ПСИХИАТР. Подожди. Здесь ты в безопасности.

ДЯДЯ. Что я здесь делаю?

ПСИХИАТР. Мама волнуется за тебя. Она говорит, что тебя мучают кошмары. Может, расскажешь мне. Когда они начались. После гибели твоего дяди?

ДЯДЯ. Нет. Нет. Не буду.

ПСИХИАТР. Ладно, но раз ты уже здесь, проделал такой большой путь, то хотя бы выпей чая с мятой, и можешь идти. *(Наливает чай)*.

ДЯДЯ. Не хочу.

ПСИХИАТР. Это всего лишь чай.

ДЯДЯ. Я не люблю чай.

ПСИХИАТР. А что ты любишь?

ДЯДЯ. Что вы меня все время спрашиваете. Ничего я не люблю, вы поняли. Ничего.

ПСИХИАТР. Хорошо. Мне все понятно. Ты можешь идти.

ДЯДЯ. Только я знаю, что могу.

ПСИХИАТР. Иди.

ДЯДЯ. Вы не должны так мне говорить.

ПСИХИАТР. Но раз ты ничего не хочешь, то мне ничего не остается, как тебя отпустить.

ДЯДЯ *(нехотя встает)*. И что, я пошел?

ПСИХИАТР. Конечно, иди. *(Берет трубку телефона)*. Оля, там еще есть кто. Жанна уже пришла? Хорошо, я ее приму.

ДЯДЯ *(шепотом)*. А что если...

ПСИХИАТР. Что?

ДЯДЯ *(резко)*. Нет, ничего.

Убегает.

Теперь, вы понимаете, почему я так волнуюсь. У дяди был тоже дядя, который совершил квики-квоки.

Прошло ровно двадцать лет... за пару дней до...

ПСИХИАТР. Как вы себя чувствуете?

ДЯДЯ. Мне кажется, что они не правильно подсчитали.

ПСИХИАТР. Кто они? Что подсчитали?

ДЯДЯ. Родители. Они должны были правильно рассчитать количество каши, шагов, которые я пройду. Они должны были давать мне не желтые игрушки, а больше синих и зеленых. Выбирать друзей и передачи тоже. Они не знали, что от этого все зависит. Но они должны были знать.

ПСИХИАТР. Зачем они должны были это делать?

ДЯДЯ. Если бы они занимались точным расчетом, все было бы по-другому. Тогда бы калькулятор не сломался.

ПСИХИАТР. Какой калькулятор?

ДЯДЯ. Самый главный. Тот, который за все отвечает. Он же был в их руках. Они же его сами настраивали.

ПСИХИАТР *(берет трубку телефона)*. Ольга, мне нужно пара кубиков. Жанна подождет. То есть вы хотите сказать, что из-за недосмотра ваших родителей, вас стали преследовать?

ДЯДЯ. Никто меня не преследует. Просто калькулятор сломался. Самый главный. Тот, который за все отвечает.

Через два дня он прыгнул.

Сцена 2

К маме

Я долго не мог подойти с этим к маме. Но не к папке же подходить. Он ничего не решает. Мамка тоже конечно не поймет, но шанс есть. Она смотрела футбол в зале на большом телике – я же говорил, кто у нас мужчина в доме. Только пива не было.

Я. Наши забили?

МАМА. Это смотря кто наш. Папка наш. И не наш вроде. А немцы вроде козлы те еще, но, блин, как же классно тырят. Запад. Не знаю, как ты, но мне за своих болеть не хочется.

Я. А папка где?

МАМА. Он у нас на кухне смотрит.

Я. Я хотел сказать...

МАМА. Девятый давай. Это еще кто нарисовался? Что за фарингосепт, твою пятку. Нахрена быть таким интеллигентом. Просрешь все. В яико и все. Не надо было засчитывать. А я говорю не надо. У них это в крови. Вот и наши постарались.

Я. Я хотел...

Звучит рекламные аккорды. Пиво «Зенит». Мы вас не забудем.

МАМА. Можно успеть сходить на кухню за новой порцией... не хочется как. Может ты... сбегай. Ну, зайка.

Я. Да, конечно. Только вот что я...

МАМА. Быстрее. Реклама может закончиться. А потом наши с немцами. Ну и за кого мне теперь болеть?

Я. Бегу.

В другой раз мне все же удалось озвучить вопрос. Рано утром перед работой.

Я. Почему люди переезжают?

МАМА. Вид из окна не нравится.

Я. Все?

МАМА. В квартире кто-то умер. Вот и не хочется разговаривать с призраками...

Она сама это сказала. То есть не совсем так, но как же близко к истине

Я. Нам нужно переехать.

МАМА. Зачем?

Я. Вид из окна.

МАМА. Наклей постер. Все просто.

Я. Это не все.

МАМА. Что еще?

Я. Все против меня. В школе, и брат тоже.

МАМА. Я скажу брату и в школу тоже схожу. Давно я там не была.

Я. И не надо. Дело не в этом.

МАМА. А в чем? В том, что ты не хочешь ходить в школу? Что тебя донимает старший брат. И старшие меряют силы, вызывая тебя на дуэль. Может быть, это нормально. В твоём возрасте все это неизбежно.

Я. Но я не хочу чтобы...

МАМА. Мне пора...

Я. Mam, а если есть предчувствие, то что с ним делать.

МАМА. Смыть. Недосоленные макароны, ты не умывался. А ну...

Так мы и не смогли поговорить. Были и другие попытки. Но мама так и не услышала. Поменять квартиру? Ага, уже звоню.

Сцена 3

Побег

Решиться на это непросто. Когда ты чувствуешь, что она за тобой по пятам. То... У меня совсем мало времени.

Зачем к Дэну? Я искал ответа. А что делать?

ДЭН. Не сегодня. Мама.

Я. Может, выслушаешь?

ДЭН. Сегодня ответ нет. Завтра тоже. Приходи в четверг. В первой половине. Там будет и посуда. И домашка к концу недели скапливается.

Пришлось уйти. В этот день я искал всех. Брат был на крыше. Но не один. С ним был какой-то парень.

БРАТ. Разбежались.

ВАСЯН. Не просто это.

БРАТ. Кто говорил, что будет легко. Мы не из того сорта дерева.

Он и вправду немного деревянный ближе к голове.

ВАСЯН. Я не буду.

БРАТ. Будешь.

Я. Шею сломаешь.

БРАТ. Что ты тут делаешь?

Я. У меня только вопрос.

БРАТ. Дома задашь. Это мой территория. Я тут бог. И не посмею...

Как тут не уйти. Ничего, паспорт в кармане. Немного денег. Проживу. Его я нашел не помню где – да разве важно это. Когда тебе очень нужно, то непременно найдешь.

БОМЖ. Ты куда?

Я. Не знаю.

БОМЖ. Тогда вперед. И главное никуда не сворачивай. Если раз свернул, то уже есть вероятность, что вернешься назад.

Я. А можно мне с тобой?

БОМЖ. Сам решай.

Сцена 4

Выяснение

Мама находит телефон парня, что продал паспорт. Начинает понимать. Что делать? Сперва спросить всех кто дома. Всех! Но на крик прибегает только отец.

МАМА. Это что?

ПАПА. Я не знаю. Наверное, паспорт.

МАМА. Сама знаю, что не апельсин.

ПАПА. Апельсины кончились. Остались только яблоки, репа и зеленая такая штука... капуста, вот.

МАМА. Заткнись! Смотри сюда.

ПАПА. Так, посмотрим. Валентин Горочаков. Год рождения 2000-й, 15 мая. Прочитал. И что?

МАМА. На фотографию смотри.

ПАПА. О, это наш. Только почему 15 мая. Он же осенью родился. И имя какое-то не такое... Но он же не Валентин.

МАМА. Догадался.

ПАПА. Может это шутка. Розыгрыш.

МАМА. А ты можешь отличить настоящий от подделки?

ПАПА. Этот как настоящий.

МАМА. Ему зачем-то понадобился паспорт. Другой.

ПАПА. Действительно, зачем?

МАМА. Он что-то натворил.

ПАПА. Что?

МАМА. Не знаю, но постараюсь выяснить. *(Только собирается взять трубку, как телефон отзывается)*. Здравствуйте, очень приятно. Кто? Да, наш. А что он натворил? Что?

Сцена 5

Город

Город напичкан всякой мерзостью. Ею мы дышим, по ней мы ходим. Но при удачном сочетании одной мерзости с другой, получается что-то полезное. Например, я жил в мерзости. Из чего она состояла – из брата-садиста, папки-невидимки и мамы, не желающей меня слушать, из школы, в которой учились одни дегенераты. Я бы, наверное, так и жил, если бы... не еще одна мерзость. Мой дядя... он взял да и прыг вниз с пятого, он думал, что он флиппер, отпружинит и назад? И эта вторая мерзость заставила меня что-то делать со всем этим – поменять все. И походку, и одежду, и паспорт. А теперь и сбежать. Двух зайцев сразу, то есть две мерзости наповал.

Место, куда меня привел «человек-улица» - крыша. Отсюда все видно. Вот почему брат выбирает такое место – чтобы видеть только самое главное, не замечая мелочей. Да и дядя когда прыгал наверняка засмотрелся...

БОМЖ. Кафе перешло от бабушки к внуку, от внука к сыну, и теперь этот хочет продать.

Я. Он ужасный.

БОМЖ. Выживает просто. Конечно, родители хотят чтобы их дети прожили такую же жизнь, если только родители не мучались всю свою..

Я. Вот и я не хочу погибнуть.

БОМЖ. С чего ты взял?

Я. Так мой дядя прыгнул из окна.

БОМЖ. А ты здесь причем.

Я попытался рассказать все, что знаю – о том, как мы с ним похожи. Что и его дядя бросился, что все идет по кругу. И пусть мне только пятнадцать, что до 35 еще далеко, я могу говорить сейчас что не допущу, а придет время и все. И что решение только одно...

Я. ...И этаж у него совпадает.

БОМЖ. И ты решил сбежать

Я. Да, я даже со своим лучшим другом поругался.

БОМЖ. Однажды я тоже решил изменить свою жизнь. Вышел из дома, потому что там все было не для меня. Папа пил перед телевизором, мама не умела готовить. У нее всегда все подгорало. Папка шутил. Она нас угольками кормит.

Я. Вот и я тоже. Только тебе не повезло, да?

БОМЖ. Почему мне не повезло?

Я. Как почему? Ты живешь на улице. Разве это не причина?

БОМЖ. Я избавился от одной трудности и приобрел другую. Но эта пожалуй мне нравится больше. Теперь я не видел то, что мне было отвратно. А если перед глазами возникала неприятная картина, я просто отворачивался.

Я. Постой, но я думал, что у тебя родители жили на улице, что они были без места жительства, и до этого все девять поколений жили без крыши.

БОМЖ. Нет, у всех были семьи и крыша над головой, но им было этого мало. Они хотели что-то изменить. Один стал бродячим чистильщиком обуви, другой распространял целебную мазь. Один мой предок шил уникальные платья, а другой грабил на дороге. Я тоже не просто так здесь. Вот тебя чему-то учу. Так ты понял, что если перед тобой возникла неприятная картина, нужно...

Я. ...просто отворачиваться.

БОМЖ. Правильно, мой мальчик.

Я начал вертеться. И наверное на пятом повороте вокруг собственной оси, я понял, как кружится весь мир. Какой он беспокойный, что только человек может его крутить, куда ему вздумается.

Сцена 6

Вокзал

Уехать я решил сразу. Нужно было купить билет. Паспорт у меня был. Только я не предполагал, что меня ждет уже на перроне. Я вошел в поезд, нашел место и собирался отправиться в город, что не менее в тысяче миль от этой точки, как ко мне пожаловали гости.

СТАРШОЙ. Ну, здравствуй, Том Сойер. Твои покойные родители ждут тебя внизу и, наверное, ждут от тебя объяснений. (Бомжу). А ты, мой друг, документы покажи.

Оказалось, что я перепутал паспорта и оставил дома тот самый поддельный, а взял с собой настоящий. А меня, настоящего-то разыскивали. Вот и вышло, что я докрутился.

Сцена 7

Брат допрыгался

Мой брат допрыгался. Пока я сидел. Пока меня допрашивали, мой брат навернулся. Не с девушкой. С новым другом. Он наконец, нашел с кем это можно сделать.

Я. Что за пенек. Пеньчище. Алеша. Я же ему говорил, а он. Три перелома. Еще будет лежать не один день. А я ему носи. Апельсины ему нельзя, капустку кашицей можно. Пару зубчиков бамс. Каскадер. Тарзан. Индиана Джонс. Спайдер мен. Будешь теперь рожу полжизни замазывать, чтобы не дергались при виде. Нет, а второй ничего, допрыгнул. Ему не повезло, богу, а апостолу или как там его, кто второй после бога... монах или поп, не важно, ему подфартило – приземлился на все четыре. У меня уроки, а он ва-ва, что он хочет. Халвы или маму требует. Он еще требует. Я же ему сказал, а он сопляк, не суйся, я бог.... Бог, я твою копилку разграбил Ты пойми, они мне будут нужнее. Тебе они все равно в ближайший месяц, а то и два не пригодятся. Хочу одному человеку помочь. Тебе не успел, но разве ты сам этого хотел. Тебе нужно было звездануться, чтобы полежать, подумать. А думать, говорят не только врачи, полезно.

МАМА выходит из палаты.

Я. Ну?!

МАМА. Чего ну? Ты что ждал, что я его на руках вынесу?

Я. Нет.

МАМА. Идем, поможешь.

Я. Может, мы его тут оставим?

МАМА. Ты будешь ежедневно к нему ходить. Нюхать весь этот клей и покупать кефир с пряниками.

Я. А если не ходить?

МАМА. Это хорошая идея. Только нога не голова быстро заживает. Ничего, поправится, узнает все прелести материнской любви. А прыгать он будет только со мной. С папкой уже прыгал, с тобой?

Я. Нет. Еще.

МАМА. Я тебе дам еще. А с тобой я с табличкой буду стоять и если надо на поезде двинем куда вдруг вздумается.

Я. Правда?

МАМА. Ты меня не знаешь!?

Сцена 8

Папа

У папы тоже все изменилось. Слишком многое произошло, поэтому коснулось всех и каждого.

Он у соседки, той самой, к которой мама частенько ходила. И та предлагает ему что-то прозраченькое в бутылке.

ПАПА. Нет, мне чай. *(Соседка уходит, через какое-то время возвращается)*. Я же не пью. Нет повода. Я же пил за то, что вроде все хорошо. Дети стали совсем самостоятельными, я им уже не нужен. И это нормальным мне казалось. Вот я и отмечал. Часто, конечно. Но когда веришь, что все хорошо и это неизменно, то не грех и каждый день по столько. Моя к тебе ходила. Вы тут отмечали. За твои успехи.

СОСЕДКА. Так она уже чай месяц не была

ПАПА. Знаю, но так надо. Она за детьми караулит. *(Отпивает из чашки, явно нравится)*. Какая прелесть. Такой букет. Я даже забыл, о чем говорил. Ах, да. Я думал, что воспитаю своих пацанов до школы и порядочек, а там школа, институт, кино и прохожие. Мы уже вроде как не нужны. А получается, что еще как нужны. Самое время, как говорится. Я же и на работу хочу устроиться. Давно зовут.

СОСЕДКА. Надеюсь, не лампочки вкручивать.

ПАПА. Это не. Ты же знаешь, что с электрикой я не очень. Зовут на старое предприятие. Я пусть руководитель не сильный, но исполнитель... если конечно, никто не попросит проводку починить.

СОСЕДКА. Еще чашечку?

ПАПА. Да, чай у тебе такой интересный.

СОСЕДКА. Так я же туда коньячку влила.

ПАПА. Зачем?

СОСЕДКА. Ну не так же просто чай пить.

ПАПА. С конфетами. С печеньем.

СОСЕДКА. Так никто же не принес.

Сцена 9
Непросто

Поверьте, мне было непросто сюда прийти. Но для логического завершения. Чтобы все внутри сложилось.

На кладбище не бывает хорошей погоды. Точнее она может быть солнечной, но как только ты там, дрожь как будто северный ветер и давление выше нормы. А если дождь, то колючий. И сегодня мне поначалу казалось, что будет град, и он меня точно не пощадит.

Я. Привет. Как ты тут? Один и вообще. Конечно, к тебе приходят посетители, друзья, мы. Прости, я не мог, ну это все из-за ужасной паранойи, но я с ней справился. Добро победило зло. Я думал, что со мной может повториться все то, что и с тобой. Я не знал, как можно было все объяснить – и этажи, и эти лошади, и форма, которую я примерял, ведь я же понимал, что не хочу, но все же одевал. Я словно повторял твою жизнь. Я просто не хотел ждать, пока мне однажды исполнится столько сколько тебе и... мне казалось, что если я поменяю все, даже дом, то будет мир во всем мире и мне сто лет, а я в спортивных шортах. Но мама не захотела ни дома, и побег мой тоже не увенчался успехом. А потом я понял все.

Вчера я ходил к брату. Он тоже лежит. Не так как ты, но тоже. Ему больно, тебе уже нет. Я тебе принес конфеты. Знаю, что здесь водку приносят, а тебе наверняка сладкое хочется. От нечего делать либо семки, либо леденцы. Я чего тут. Может быть, это звучит глупо, но все не так плохо. Ты умер, и это не плохо? Да, но это нормально. Ты ушел не потому, что выполнял задание там или бабка что-то решила с богохульной соседкой. Не потому что твой дядька тоже в тридцать с пятью сиганул. Все просто – твоя жизнь длилась ровно столько сколько ты захотел. Ты также мог и дальше. Но в голове что-то приостановилось, сломалось может, и починить не вышло. Ерунда. Ты там, или как я думаю намного дальше. Одно дело положить, а другое там внутри. Сломал крышку, вылез и полез дальше. Сейчас ты там, где лучше.

И повторять жизнь неплохо. Здорово рисовать лошадей, и полицейским тоже, и жить на пятом этаже куда лучше чем на первом, Поэтому я пожалуй повторю все то, что ты прожил или нет. А если... уже не страшно. Я же пришел сюда и разговариваю с тобой.

Сцена 10
Скидка

Я продолжил ходить в школу. В той же форме, походка вернулась, и друг тоже от меня не отставал. Но мне нужно было увидеться с тем парнем, что делал паспорт.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. За второй паспорт скидка 20 процентов.

Я. Хорошо.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Фотка твоя есть. Могу нарисовать очки или бородку. Как хочешь.

Я. Это не для меня.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Нет. Для кого же? Если другой человек, то и сумма без скидок.

Я. Без проблем.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Деньги и фото.

Я. Да, да. *(Даю фото и деньги).*

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Не знаю. Фото неудачное.

Я. Какое есть.

ПАРЕНЬ В КЕПКЕ. Я постараюсь.

Я. Уж постарайся.

Сцена 11

Друг

У дяди был друг. Я не видел его. Но почему-то мне показалось, что если бы он говорил речь или просто исповедовался перед стенкой с куском картона, то вышло бы примерно следующее.

ДРУГ. Друг. Друган. Дружище. Другалек ты мой любимый. Блява, как же я своих друнов не называл. Но если они того заслуживали. А вы что думали? Заслужить звания друна это вам не в сортире полотенцем обтираться. Стать друганом блин да это столько соли да чипсов нужно слопать. Не одну телку вместе снять. Да и в бане про то, как у тебя это не получилось тоже. С дружаном можно обо всем. Но до тех пор пока это звание не померкло. Как только тот перестает звонить, в игнор твои звонки и приглашения на рыбалку, все... чужой. Таких друзей за... и в музей. Если ты мне друган, то я тебе и в долг, и тамадой на очередной свадьбе, я тебя если хошь перебинтую и яд отсосу если тебя змея укусила. А тут... я что нанялся всем помогать. Всем – это он. Лучший. Когда-то может быть. Он был мой френдом. С ним рябину собирали сдавали, гнули водостоки, за что получали от соседа нагоняй. С тобой... да уж и не помню. Ты ж как-то исчез по-аглицки, и все. Тогда мне нужен был напарник, чтобы в общежитие парикмахерское пройти – один отвлекает-подкупает, другой проходит-снимает. А тебя дома не было, ты тогда не смог. Семейный разбор полетов. У тебя часто это было. Мне больше всего это в вашей семье и не нравилось – нахрена мутузить ежевечерне, когда раз в полгода достаточно. Все зависит от силы удара. А ты же знаешь, как у нас, людей незаменимых нет. На твое место нашлось кому встать.

Дятел он у вас. Кто такой дятел? Птица такая и мудака, которого только могила сами знаете... Нельзя. Можно. Теперь можно. Он же у-мер? Блява, да у меня каждый день кто-то мрет. В малом бизнесе смертей как грязи. Я только и успеваю с одного банкета на другой. Мне уже эти юбилеи, похороны, свадьбы вот здесь. Эта водка, эти фразы, пироги с капустой, все достало. Эта маманя подержи сумку. И что я с ней с женской сумкой, как debil. Вот, вы с ним вместе... да кто это помнит. Когда он ко мне в последний раз заходил? Если его предки воспитывали его так, что он всего боится, я то в чем виноват.

В тот день я напился. У меня жена дербанутая. Она со мной не считается. Брал умную красавицу ну и прочие аргументы, а через пару лет дура-дурой. Можно подумать, родив, они свой мозг ребенку передают. А себе так для самого необходимого. Только у каждого разное необходимое. У этой – большущие глаза, открытый рот и вопль «Деньги дай!». Ну, блин, можно же понять. Бизнес пошел не так. Съехать пришел с центральной трешки. Поживем у меня месяца три-четыре. Она в отказ. У тебя дядя припадочный. Иголки в дверях. Да, мама иголки от сглаза поставила. Да их уже давно все сняли. И дядя тоже тише воды. У него же ноги отказали. Теперь можно спокойно жить. А она к маме. У меня тут поликлиника, работа. Какая работа? До трех лет сиди с ребенком, тем более с твоей головой сейчас только смеси водой растворять. Но она тяфкает, а я крик не выношу. У меня даже на счастье слух снизился на норму. Теперь проще, но ее диапазон все равно проникает.

Андрюха, Андрюха. Он мне звонил за день. А за два Венера звякнула – мол, все у Андрея крыша поехала, нужна помощь. И как-то захотелось мне его друганом назвать. Жалко блин стало. Все же мы с ним лучшие годы провели. Есть что вспомнить, че говорить. Но я конечно пожалел что пошел. Это не тот, кого я когда-то знал. Я когда увидел – глаза дергаются, руки как у диджея. Я сразу понял, что он долбится. Подсел, дру.... На чем ты сидишь, дру...? Молчит, только по стене взгляд скользит и на дверь. Ты че ждешь кого. Меня могут найти. Кто тебя найдет? Они уже послали бригаду. Ну, все, теперь точно абзац. Приехали в Финляндию, а там горные козлы. Достал уже. Про калькулятор это вообще пипец. Мне так захотелось почесать кулаки – за все что он мне сделал, я даже курить его позвал только за этим. Но он разве пойдет? Он посмотрел на меня и там был страх. Чудовищно!

И говорить же что-то надо. Я ему говорю, в Москву поезжай там хоть карьеру сделаешь, а тут ты кто? Но он меня не слышит. Калькулятор, говорит, сломался. А мне почесать кулаки хочется. Выброси ты его нахрен. Выброси.

Ну выпил я перед этим. А тут оказывается денег нема. А он мне кто? Друган что ли? Он тогда в общагу не пришел. А сейчас что решил за мой счет в красивый гробик лечь. Не получится. У меня кризис. Пришел, сказал, что моя жена его всегда в пример ставила, напился и уже не помню. А зачем помнить? Его все равно для меня не существует.

Сцена 12 Паспорт

Паспорт был предназначен специально для него. Я был должен ему. За то, что нет никакой другой дороги. Есть только та, что ты выбираешь. И ему наверняка будет легче идти по ней без третьих лиц, останавливающих его и спрашивающих документы. Я бы ему еще ботинки подарил, только у меня нет больше денег. Но это пока. Может быть, потом заработаю «спасением мира».

Его я долго не мог найти. На улице его не было, обошел несколько рынков, спрашивал у емподобных, был на кладбище, но ничего. Тогда я обратился (а что мне оставалось делать?) к СТАРШОМУ. Тот конечно не ожидал меня видеть.

СТАРШОЙ. Шаурма за тобой пришла.

КУЧЕРЯВЫЙ (*радостно*). Да ты че, начальник, мой дорогой.

СТАРШОЙ. Без соплей мне давай.

КУЧЕРЯВЫЙ. Будет сделано, без соплей и другого соуса. Когда я могу идти?

СТАРШОЙ. Сейчас. Получи вещи и на все четыре.

КУЧЕРЯВЫЙ. А можно я их оставлю. Они мне уже знаете где. Как одену часы, ремень, то...

СТАРШОЙ. Плохая примета. Оставишь, значит, вернешься снова.

КУЧЕРЯВЫЙ. Без вопросов. Ну, я тогда пошел за вещами.

СТАРШОЙ. Давай.

Я ворвался, когда КУЧЕРЯВЫЙ уже уходил.

СТАРШОЙ. Не понял. Мне кажется или Том Сойер вернулся.

Я. С ним все хорошо?

СТАРШОЙ. С ним это с кем?

Я. С тем человеком на крыше.

СТАРШОЙ. Его зовут Федя. Федор Романович. Хотя не знаю, правда ли. Врет, наверное. Что-то в нем есть монгольское.

Я. Так что с ним?

СТАРШОЙ. А что?

Я. Он в порядке?

СТАРШОЙ. Теперь да.

Я. Могу я его увидеть?

СТАРШОЙ. Не думаю. Он умер.

Я. Что? Нет.

Вот так просто? Зачем он это сделал?

СТАРШОЙ. У него было воспаление легких и еще куча болезней, которые легко подхватить, но не так просто избавиться. Проще было умереть.

Я кивнул головой и вышел. Я шел медленно. С неба что-то капало, но я не хотел смотреть вверх.

Странно он умер так вот неожиданно. Не прыгал ниоткуда. Просто жил так как хотел. Но и даже так его подкараулили и...Я хотел сбежать, изменить свою фамилию, род, походку, одежду. Но потом понял, что нужно просто жить. Или умирать. Но не потому что кто-то умер, а потому что ты сам это решил. Не какая-то долбанная карма.

СТАРШОЙ. Как же спать хочется. Но как только, ложусь перед глазами люди. И ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...Еще один, еще. Выслушайте. Важный. Вопрос жизни и смерти. Что делать, слушаешь, пытаешься найти ответ. Пока на все вопросы ответишь, светает. Наверное, в деда пошел. Тот больно любил вопросы. Его когда пытали, то он сумел выкрутиться и доползти до нас, чтобы сказать, как любит, и не зря жизнь прожил. А потом умер. Лет через тридцать. Когда время настало.

Конец